

Глава 69. Как же вкусно пахнет

— Давно не виделись, Фу Шэн.

Зрачки Цзян Тана резко сузились, и пальцы, вцепившиеся в рукав Фу Линцзюня, так побелели от силы, что костяшки выступили белизной.

Что вообще происходит?!

Пусть он и читал оригинал не так уж много, но всё же знал: из пятерых святых Дао, запечатавших Фу Линцзюня, самым сильным был Цзян Чаньюань, за ним шёл Янь Цунси, а остальные стояли ступенью ниже.

С этим лицом Фу Линцзюнь уже попадался на глаза и Янь Цунси, и Цзян Чаньюаню у утёса Жисы, но ни один из них его не узнал. Как же Хуай Шоусинь его распознал?

Неужели только по тому сегодняшнему ужину?

У Цзян Тана от страха вспотели ладони, зато Фу Линцзюнь, будто давно был к этому готов, спокойно посмотрел на Хуай Шоусиня. Он снял со своего рукава маленькую влажную от волнения руку и сжал её в ладони.

Словно успокаивал Цзян Тана.

Взгляд Хуай Шоусиня был острым, как пламя. Он долго всматривался в изменённое лицо Фу Линцзюня, а потом сказал:

— Если бы не... я бы и сам тебя не узнал.

Когда он произносил эту фразу, казалось, он хотел окликнуть его ещё каким-то близким, почти ласковым именем. Но губы только шевельнулись, и в конце он лишь тяжело вздохнул.

Цзян Тан наполовину спрятался за спину Фу Линцзюня, украдкой глянул на Хуай Шоусиня и немного выдохнул.

Для начала это совсем не походило на сцену, где сейчас будут убивать друг друга.

Фу Линцзюнь чуть приподнял подбородок, и его тёмные, холодные глаза не дрогнули.

— Что хочешь сказать — говори.

Хуай Шоусинь замолчал.

Он посмотрел на Цзян Тана, стоявшего рядом с Фу Линцзюнем, потом на их сцепленные руки и нахмурился.

Цзян Тан машинально попытался высвободить ладонь, но Фу Линцзюнь почувствовал его движение и сжал сильнее, чем прежде.

Не больно, но вырваться нельзя.

— Если почтенный Хуай не хочет говорить, тогда прошу уйти, — фыркнул Фу Линцзюнь так, будто человек перед ним был ему глубоко неприятен.

Но Цзян Тану казалось, что сейчас такое поведение со стороны Фу Линцзюня можно было назвать почти что мягким.

Великий злодей никогда не любил тратить слова. Ни перед врагами, ни перед шумными младшими он не изображал нынешнего: мол, мне страшно надоело, но если уж хочешь — так и быть, выслушаю.

Именно из-за этого у Цзян Тана внутри становилось всё тревожнее.

По идее, Хуай Шоусинь был одним из святых Дао, которые когда-то запечатали Фу Линцзюня. Разве между ними не должно было быть чего-то вроде «либо ты умрёшь, либо я»? А тут один будто пытается заговорить по-человечески, другой раздражён, но не прогоняет. Даже немного смахивало на то, как строгий, измученный взрослый пытается вразумить слишком сильного и совершенно неуправляемого хулигана.

— Я был знаком с твоими родителями. Когда-то ты называл меня дядей.

Следующая фраза Хуай Шоусиня сразу расставила всё по местам и объяснила эту странную, неуместную гармонию.

Так они ещё и были старыми знакомыми! И, судя по всему, когда-то даже довольно близкими.

— Ты наделал столько шума. Значит, всё-таки хотел найти меня...

Фу Линцзюнь холодно перебил его:

— Я никогда не умел сдерживаться. И какое отношение это имеет к почтенному Хуаю?

Хуай Шоусинь задохнулся от этих слов и на миг лишился ответа. При постороннем он и без того не хотел говорить слишком много, а после такого выпада и вовсе расхотелось продолжать.

Воздух вдруг стал особенно тихим.

Цзян Тану сделалось неловко. Теперь, когда он убедился, что Хуай Шоусинь не собирается кидаться на Фу Линцзюня с мечом, ему показалось, что его присутствие только мешает. Он привстал на носки, наклонился к Фу Линцзюню и тихо прошептал:

— Вы... поговорите. Я... пойду.

Но руку выдернуть по-прежнему не удалось.

— Куда собрался? — Фу Линцзюнь сжал его мягкую белую ладонь, опустил взгляд на его смущённое лицо и сказал: — Оставайся.

Он попросту проигнорировал желание Хуай Шоусиня говорить с ним наедине.

Из-за этого лицо Хуай Шоусиня стало ещё мрачнее. Цзян Тану даже почудилось, что на этом квадратном лице проступило возмущение, достойное раздувшейся рыбы-фугу.

Прошло немало времени, прежде чем Хуай Шоусинь глубоко выдохнул. Он понимал, что упрямством Фу Линцзюня не переспорит, поэтому постарался не смотреть ни на красивого юношу рядом с ним, ни на их слишком уж близкую, выходящую за рамки приличий близость.

Он достал из жемчужины Нахай отрезок переливчатой, удивительно красивой кости и сказал:

— Полагаю, у тебя уже немало таких?

Цзян Тан пригляделся. Разве это не то самое, что оставалось после смерти уродов на утёсе Жисы, когда их тела сгорали дотла? Откуда это у Хуай Шоусиня?

— Да, — отозвался Фу Линцзюнь.

— Когда-то Чэньинь говорил мне, что Ци Цуньюй пошёл по тёмному пути и ведёт себя подозрительно. Я тогда отругал его за пустые речи, но на самом деле уже тогда догадывался, что между Ци Юаньланом и Цзян Чаньюанем есть какая-то тайна. Эту кость судьбы я нашёл на утёсе Жисы, но не понимаю, почему она насквозь пропитана такой мрачной злобой...

У Цзян Тана в голове будто прогремел гром.

Что? Эти красивые косточки — кости судьбы?! А как же то, что он — единственный благой зверь за последние почти десять тысяч лет? Не считая тех костей судьбы, что получил Фу Линцзюнь, в лабиринтной горе на утёсе Жисы внутри каждого уroda были такие кости — там их были тысячи, не меньше! Не может же быть столько благих зверей? Даже в древние времена, когда благие звери ещё не исчезли, они были редчайшими существами!

Нет, тут был ещё один вопрос. Если эти красивые кости и правда кости судьбы, почему тогда, когда Фу Линцзюнь устроил бойню в префектуре Цзян, он не забыл спросить, где его кость судьбы, а потом, уже добыв её, не дал её ему?

— Только это не похоже на настоящую кость, — сказал Хуай Шоусинь. — Скорее, подделка. Искусственная копия.

— Помимо этих костей судьбы есть ещё то, что ты устроил в посёлке Цэньнань. Тот злой дух не был порождён естественным образом. Чтобы искусственно взрастить его до такого уровня, кроме тебя, я не знаю никого, кто был бы на это способен.

Фу Линцзюнь раздражённо достал из жемчужины Нахай чётки и принялся одной рукой быстро перебирать бусины. Те сухо застучали, заполнив тишину жёстким треском.

— А ещё тот злой дух без конца бормотал заклинание успокоения сердца и изгнания зла Цзян Чаньюаня. Пусть и обрывочно, я всё равно расслышал.

— И вдобавок Цзян Чаньюань убил Ци Юаньлана на утёсе Жисы...

Фу Линцзюнь насмешливо усмехнулся.

— Значит, почтенный Хуай наконец начал задумываться, а не того ли человека он когда-то помог запечатать?

Лицо Хуай Шоусиня изменилось.

Он был человеком суровым и негнущимся. Пусть у него и были глубокие связи с родом Фу из Гуанлина, в тот год, когда Фу Линцзюнь обезумел и собственными руками убил родных и близких, Хуай Шоусинь всё равно не смог оставить в покое последнего ростка рода Фу.

И в конце сам приложил руку к его запечатыванию.

Ему всегда казалось, что он об этом не пожалеет. Но теперь, когда один за другим проступали очертания тайн, когда в череде странных событий всё отчётливее проявлялась правда, а

человек перед ним стал совсем не тем, кем был когда-то, Хуай Шоусинь впервые настоящему ощутил тяжёлое бессилие и запоздалое раскаяние.

— Я лишь хочу узнать правду о том, почему тогда ты поступил именно так. Хочу понять, что скрывается за всем этим, — сказал Хуай Шоусинь, глядя на лицо, изменённое до неузнаваемости, но во взгляде его было столько боли, будто перед ним всё ещё стоял тот самый юноша прошлого.

Прирождённый высший из префектуры Гуанлин, с детства — самый ослепительный гений во всём Люхэ. И сколько бы потом ни появлялось талантов, ни один не стоил и десятой доли его.

Пусть даже... теперь он выглядит иначе.

— Я хочу, чтобы ты снова стал собой.

Чётки несколько раз перекувыркнулись в руке Фу Линцзюня.

Его длинные, бледные пальцы были бескровны и казались такими хрупкими, будто их можно сломать, как тонкую бумагу.

— Не повезло, — лениво приподнял он бровь. — Я хочу только одного: чтобы Цзян Чаньюань умер и телом, и душой. Ах да, до этого хорошо бы ещё заставить его выплюнуть противоядие к благовонию сжигания души. Иначе все тысяча триста двадцать шесть душ рода Фу превратятся в обиженных духов и будут шуметь у меня над ухом. Лучше уж сразу их упокоить.

У Хуай Шоусиня болезненно сжалось сердце.

На словах Фу Линцзюнь жаловался, что эти души гудят у него в голове, а сам помнил их число до последнего.

Ведь в роду Фу из Гуанлина было не только тысяча триста двадцать шесть человек. Но после той резни целыми удалось собрать души лишь стольких.

— День рождения Цзян Чаньюаня будет в первый день следующего месяца. После того как он внезапно убил Ци Юаньлана, наверняка найдутся люди, которые захотят этим воспользоваться. Тогда я вместо тебя...

Пальцы Фу Линцзюня на чётках замерли, и он поднял взгляд.

— Я гость префектуры Аньюань. Когда придёт время, сам пойду поздравить даосского святого. Зачем же утруждать почтенного Хуая.

То есть он собирался идти лично.

— Что ты хочешь сделать? — Хуай Шоусинь заметно напрягся. Он знал, что, выбравшись из долины Тяньбэй, Фу Линцзюнь первым делом залил кровью префектуру Цзэяна. Если бы позже не выяснилось, что род Сун из Цзэяна тоже был нитями связан с Цзян Чаньюанем, Хуай Шоусинь не смог бы стоять здесь так спокойно и разговаривать с ним.

Он мог принять, что Фу Линцзюнь стал человеком, который оплачивает за малейшую обиду.

Но не мог принять, если бы тот стал без разбора убивать невинных.

Больше всего Фу Линцзюня раздражала вот эта благопристойная маска ложного милосердия.

Если бы Хуай Шоусинь и впрямь не мог оказаться ему полезен, он бы не тратил столько слов на эту пустую болтовню.

— Не беспокойся, — фыркнул Фу Линцзюнь, всем видом показывая, что разговор окончен. — Почтенному Хуаю не стоит бояться, что я снова залью кровью Шансүйцин Цзян Чаньюаня. Он силён до смешного. Скорее уж это он меня убьёт.

В голосе звенела насмешка над самим собой.

А затем он, даже не оборачиваясь, окончательно выставил гостя за дверь:

— И не забудь закрыть.

Хуай Шоусинь ещё долго смотрел ему в спину с тяжёлым, сложным выражением, а потом снял преграду и ушёл.

И дверь с грохотом захлопнулась.

Прошло уже довольно много времени после его ухода, а Цзян Тан всё никак не мог избавиться от чувства, что в комнате что-то не так.

Великий злодей явно о чём-то думал и весь будто затянулся низким давлением.

Он молча открыл дверь своей комнаты и вошёл внутрь, но Фу Линцзюнь так же спокойно шагнул следом.

Цзян Тан, стоя у порога, неловко сказал:

— Это... моя комната.

Конечно... прошлой ночью он уже, можно сказать, «переспал» с великим злодеем, но это же не значило, что теперь они должны жить в одной комнате постоянно? Это... это вообще куда годится?

Фу Линцзюнь длинными шагами обошёл его, вошёл вглубь комнаты, сел за стол у окна и привычным движением налил себе чаю.

— Угу, — тихо отозвался он на слова Цзян Тана, но уходить явно не собирался.

Цзян Тан: ?

Ладно, ладно. Великий злодей, наверное, сейчас и правда погружён в мысли. Ну и пусть будет одна комната. Тем более в последнее время он всё бегал по сюжету и толком не культивировал, так что кровать можно великодушно оставить Фу Линцзюню.

Подумав так, Цзян Тан молча уселся в мягкое кресло, поджал ноги и приготовился к культивации.

Сосредоточиться, успокоить дыхание. Он закрыл глаза и, как когда-то учил его Фу Линцзюнь, сначала привёл в порядок дыхание и мысли.

Но едва он собрался начать, как его вдруг подняли с места.

Именно подняли — как блюдо на подносе, целиком перенесли и поставили на кровать.

— А! — Цзян Тан от неожиданности тут же вылетел из состояния медитации. Открыв глаза, он увидел, что Фу Линцзюнь снимает верхний халат, и машинально отодвинулся глубже на постель. — Ты... что... делаешь...

Дело было не в том, что у него в голове одна пошлость, но в такой ситуации кто вообще выдержит, когда перед ним красавец начинает раздеваться?

Фу Линцзюнь повесил снятый халат на деревянную вешалку, а потом взял Цзян Тана за голень и принялся стаскивать с него обувь и носки.

— Спать, — сказал он.

И в пару движений раздел его ноги до чиста.

Цзян Тан: ???

При чём тут он, если Фу Линцзюнь захотел спать? Он ему мешал спать? Или свечу не давал задуть?

— Ты... спи... сам, — с чувством собственного достоинства отказался Цзян Тан. Пусть после недолгой культивации у него и кружилась голова, стремление к росту у него всё же было. — Я... хочу... культивировать.

Но Фу Линцзюнь просто стал бессовестным. Он сгреб его в объятия, крепко прижал к себе, перекатился вместе с ним и лёг.

— У меня болит голова, — сказал он, снимая с себя маскировку. Его бледное лицо было прекрасным до боли в сердце. — Когда тебя нет рядом, я не могу заснуть.

Голос звучал очень жёстко.

Но в этих бездонно чёрных глазах исчез весь привычный холодный блеск. Когда он смотрел на Цзян Тана, в них даже проступала слабость. Длинные густые ресницы дрогнули — и словно пара бабочек вспорхнула прямо в грудь Цзян Тана, от чего у того сладко зачесалось в сердце.

Фу... Фу Линцзюнь сейчас что, кокетничает с ним?

Он что, по-твоему, тот самый человек, которого можно смутить красотой и лишить разума одним видом?

Как Фу Линцзюнь вообще мог дойти до того, чтобы так испытывать его нравственность? Да что это такое!

— И-и, — беспомощно пискнул Цзян Тан.

Его целиком окутал холодный, приятный аромат с тела Фу Линцзюня. Перед глазами — красота, в голове — туман.

Ладно уж. Какая там культивация. Великий злодей так вкусно пахнет.

Свеча в комнате не была потушена.

Похоже, в последнее время Фу Линцзюнь и правда очень уставал. Он всё чаще и чаще засыпал.

Пляшущее пламя окрашивало комнату в тёплый золотистый цвет, и густые тёмные ресницы красавца отбрасывали на лицо две дрожащие тени.

— Я просто хотел спросить... — прислушиваясь к его дыханию, тихо вздохнул Цзян Тан по-китайски. — Ты теперь... мой парень?

Примечание автора:

Тан-Тан: это он первый меня соблазнил!!

<http://bllate.org/book/17032/1644690>